

ИСТОРИЯ

УДК 94(47) 084

*Н.Н. Аблажей***«РОВСОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» НКВД В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1937–1938 гг.**

На материалах ведомственной статистики сопоставляются масштабы «кулацкой» и «ровсовской» операций в Сибири, анализируются их сходства и отличия.

В канун массовых операций второй половины июня 1937 г. органами УНКВД Западно-Сибирского края (ЗСК) было сфабриковано широкомасштабное дело, названное позднее «эсеро-ровсовским заговором». 17 июня 1937 г. в крайком ВКП(б) Западно-Сибирского края управлением НКВД была представлена соответствующая записка [1. Т. 5. Кн. 1. С. 256–257]; тогда же она была направлена и наркому внутренних дел СССР [2]. «Ровсовская» операция представляла собой репрессивную акцию, инициированную и реализованную руководством Западно-Сибирского края, которому удалось заручиться поддержкой Москвы. Поданная в Москву информация сыграла существенную роль и в разработке будущей «кулацкой» операции.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 июня 1938 г. в связи со «вскрытием контрреволюционного повстанческого подполья» в Западной Сибири была создана тройка УНКВД по ЗСК [3], на которую возлагалась задача внесудебного преследования лиц, арестованных в рамках данной акции. Именно «ровсовская тройка» стала прообразом троек, сформированных по приказу № 00447 от 30 июня 1937 г. Действуя с 9 июля в качестве внесудебного органа, принимавшего решения по делам всего контингента репрессированных, она в дальнейшем осуществляла работу с подсудимыми и по «ровсовским», и по «кулацким» делам. Заседая единым составом, тройка НКВД по ЗСК формально старалась сохранить разделение по двум операциям. При этом дела, как правило, в основном рассматривались одновременно. Подобное стало возможно, поскольку «ровсовский» контингент не учитывался в рамках спущенных региону лимитов лиц, подлежащих аресту и наказанию по приказу № 00447, однако фиксировался в сводной отчетности как особая группа. Этот факт позволяет рассматривать «ровсовскую» и «кулацкую» операции составными частями репрессий, осуществленных в рамках реализации данного оперативного приказа. Две операции различались лишь уровнем полномочий регионов. Если для «кулацкой» операции основным сдерживающим фактором был оговоренный центром лимит репрессированных, то в «деле РОВС» его не было, что позволило максимально раскрутить механизм репрессий.

В Сибири «ровсовская» операция началась в июле 1937 г. и продолжалась в массовом порядке вплоть до середины марта 1938 г. Акция представляла собой совокупность операций по ликвидации «кадетско-монархических», «эсеро-монархических» и «эсеро-ровсовских» организаций, якобы созданных под руко-

водством белых генералов, пытавшихся сформировать повстанческую армию из кулаков, казаков и офицеров на территории Сибири. Ее штабом первоначально был назван несуществующий томский «Союз спасения России», а базой для формирования повстанческих кадров – белое офицерство и кулаки-спецпереселенцы Нарымского округа и Кузбасса. Организация якобы подчинялась указаниями эмигрантского Российского общецарского союза (РОВС) и японской разведки, готовя вооруженный переворот и захват власти.

На местах «ровсовские» организации конструировались по сетевому принципу. Ее разветвленная структура была представлена штабами, региональными филиалами, повстанческими группами и боевыми дружинами. Региональные филиалы действовали под руководством краевого штаба и распространяли его указания на подчиненные им организации в городах и районах. Низовую сеть РОВС представляли диверсионно-повстанческие группы, офицерские организации и боевые дружины. Подобная структура позволяла «вскрывать» «эсеро-ровсовский заговор» не только на территориях крестьянской ссылки и в районах компактного проживания казачества, но практически повсеместно. По свидетельствам самих региональных сотрудников НКВД, «ровсовская сеть» формировалась из мелких локальных групп, искусственно увязываемых в единую структуру [4, 5]. По данным отчета по «ровсовской» операции в Западно-Сибирском крае от 4 октября 1937 г., в котором содержится разбивка контингента по категориям, следует, что кулаков и спецпереселенцев 54% [1. Т. 5. Кн. 1. С. 376–377], белых – около 13%. Особой целевой группой в рамках операций помимо кулаков стали казаки в том числе и реэмигранты. В районах своего компактного проживания именно казаки являлись одними из жертв «кулацкой» и «ровсовской» операций. Особые казачьи операции, ставшие неотъемлемой частью «ровсовской», прошли в Омской области, Красноярском крае и на Алтае [6. С. 84–87].

За время проведения «ровсовской» операции было вскрыто и ликвидировано «широкое подполье», действовавшее на территории современных Новосибирской, Кемеровской и Томской областей, Красноярского и Алтайского краев, а также в 17 лагерных пунктах СибЛАГа. Помимо Сибири, «эсеро-ровсовские организации» были обнаружены, но в гораздо меньшем масштабе, и в других регионах СССР: на Украине, Урале, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Однако там, в отличие от Западно-Сибирского края, подвергшийся репрессиям в рамках подобных операций кон-

тингент вошел в лимиты, выделенные регионам в целом по приказу № 00447.

«Кулацкая» операция стартовала в Западной Сибири 5 августа 1937 г. Весь июль был отведен на ее подготовку, в течение которого согласовались лимиты и проводился учет контингента репрессируемых. В отличие от «ровсовской», идеология и масштабы «кулацкой» операции оговаривались самим текстом приказа.

Проведение в Западно-Сибирском крае одновременно двух массовых операций – «кулацкой» и «ровсовской» – существенно осложняет изучение механизма репрессий в рамках приказа от 30 июля 1937 г., поскольку при их сопоставлении обнаруживается поразительное сходство по контингенту репрессированных, срокам проведения и методам судопроизводства. Не меньшую сложность представляет разделение репрессированных по этим двум операциям. О том, как Бийским оперсектором была вскрыта и связана с «делом РОВС» повстанческая казачья организация, можно судить по показаниям Г.С. Каменского, утверждавшего, что «ровсовская» организация оказалась столь многочисленной (1 100 чел.) не в последнюю очередь за счет казаков [7]. Оперативное делопроизводство изобилует свидетельствами, что «в число контингента кулаков по приказу вошла низовка по РОВСу» либо что «арестованный контингент по приказу – это кулацко-белогвардейский элемент, участники эсеров-ровсовского заговора» [8]. Даже работа с протоколами троек (для исследователей доступны только материалы Алтайской областной тройки) не дает однозначной картины распределения контингента по «ровсовской» и кулацкой» операциям.

Исследователи до сих пор имеют крайне фрагментарную информацию о масштабах и ходе «кулацкой» и «ровсовской» операций по Сибири, что существенно осложняет качественный и количественный анализ репрессий в отношении тех категорий населения, которые стали целевыми группами террора. Статистика свидетельствует о лавинообразном росте арестов и приговоров, начиная с июля – августа 1937 г. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля на места ушла директива, требовавшая к 8 июля предоставить информацию о количестве учтенных «бывших кулаков и уголовников» в регионе, распределив их на подлежащих расстрелу или высылке. К установленному сроку по 130 населенным пунктам ЗСК было учтено 25 944 чел., в том числе по 1-й категории 10 924 чел. Неучтенными осталось население еще 6,5 тыс. домохозяйств, самовольно осевших в первой половине 1930-х гг. в Нарыме [9]. В справке начальника УНКВД ЗСК С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-ровсовского заговора в Западной Сибири» указывалось, что на территории Нарымского округа и Кузбасса расселено 208 400 чел. высланного кулачества и находится в административной ссылке 5 350 чел. бывших белых [1. Т. 5. Кн. 1. С. 256]. Также отмечалось, что в указанное число кулаков частично вошла «низовка», подлежащая аресту по «ровсовскому заговору» [1. Т. 5. Кн. 1. С. 256].

К концу сентября в ЗСК было арестовано по обеим операциям 24 619 чел. (по «кулацкой» линии 15 179 чел. [10] и 9 440 чел. по «ровсовской» [11]), к

началу октября – 25 735 чел. (по другим данным – 25 413), из которых осуждено 19 421 чел. Таким образом, уже к середине осени 1937 г. первоначальный план по репрессиям был выполнен практически полностью. Динамика арестов и вынесения приговоров по «ровсовской линии» следующая: на 30 сентября арестовано 9 440 чел. (осуждено 7 556 чел.) [11], на 5 октября – 9 689 чел. (осуждено 8 047 чел.) [12], к 10 октября их число выросло до 10 557 чел., в том числе 2 479 чел. на Алтае (осуждено в общей сложности 9 166 чел.) [13]. Доля арестов по «делу РОВС» в общем масштабе репрессий составила в Западно-Сибирском крае на конец сентября – начало октября 1937 г. 37–38%, а по количеству осужденных – 41% [1. Т. 5. Кн. 1. С. 376–377].

Статистика по «делу РОВС» этого периода позволяет определить количество арестованных и осужденных как в целом, так и по отдельным регионам Западной Сибири. Как было указано выше, из 9 689 чел., арестованных по «делу РОВС», к 5 октября было осуждено 8 047 чел. Конкретно по 13 оперсекторам НКВД ЗСК на этот период число арестованных и осужденных было следующим: Сталинский – 17,2% от общего числа арестованных и 19,5% от общего числа осужденных по сектору; Томский – соответственно 13,5 и 13; Нарымский – 12,4 и 15; Новосибирский – 9,4 и 8,6; Барнаульский – 8 и 6,5; Кемеровский – 7,8 и 9,3; Бийский – 7,9 и 7,7; Ленинский – 6,9 и 3,5; Ойрот-Тураинский – 5,4 и 3,6; Куйбышевский – 5 и 5; Мариинский – 4 и 4,7; Рубцовский – 1 и 1,2; Славгородский – 1,6 и 2% [1. Т. 5. Кн. 1. С. 378–370]. Вышеприведенные данные свидетельствуют, что на первом этапе основной вал репрессий прошел по северным и центральным округам края.

Весьма показательным представляется анализ категорий осужденных в зависимости от операций. На начало октября 1937 г. по «кулацкой» операции из 11 374 осужденных 6 439 чел. (56,7%) прошли по 1-й категории (ВМН) и 4 935 чел. (43,3%) по 2-й категории (заклучению в ИТЛ) [10]. По «ровсовской» операции из 8 047 осужденных 6 437 чел. (80%) прошли по 1-й категории и 1 610 чел. (20%) по 2-й категории [14]. Таким образом, доля осужденных по 1-й категории «ровсовцев» была выше почти на 20%, чем по «кулацкой» операции.

С ноября 1937 г. статистика по «ровсовской операции» представлена в меньшей степени, хотя по Новосибирской области и Алтайскому краю она имеется (в соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 28 сентября 1937 г. Западно-Сибирский край был разделен на Алтайский край и Новосибирскую область). В этой связи может быть любопытным комментарий начальника управления НКВД по Алтайскому краю С.П. Попова, проливающие свет на причины продолжения «ровсовской» операции на Алтае. Скорее всего, это решение было принято во второй половине октября, когда региону были спущены лимиты сначала на 3,5 тыс. чел., а спустя несколько дней еще на 8,5 тыс. чел. [1. Т. 5. Кн. 1. С. 606]. С.П. Попов утверждает, что когда в Алтайский край поступил первый лимит, было принято решение одновременно с проведением новых арестов по всем категориям, обозначенным в приказе, продолжить и «ровсовскую» операцию. Райотделам НКВД указывалось «никаких новых дел не

давать, а продолжать вести следствие по делам организаций, вскрытых еще УНКВД ЗСК, на том основании, что данные районы отошли от бывшего Запсибкрая, что позволяло значительно расширить операцию РОВС за счет «низовки» [15].

Напомним, что «дело РОВС» планировалось как специальная операция именно в ЗСК. Несмотря на его разделение на два территориальных образования, вплоть до конца ноября по-прежнему продолжала действовать тройка УНКВД по ЗСК, продолжавшая осуждать алтайцев наряду с начавшей работу с 30 октября тройкой по Алтайскому краю. Непосредственно тройкой НКВД по Алтайскому краю первые «ровсовцы» были осуждены уже 6 ноября 1937 г. По 88 протоколам тройки УНКВД по Алтайскому краю «ровсовцы» проходят, но если для 1937 г. их возможно выявить как отдельную группу, то для 1938 г. «ровсовские» и «кулацкие» дела теснейшим образом переплетаются.

Если обратиться к количественным оценкам обеих операций, то станет видно, что оперативные сводки этого периода отражают ход «ровсовской» операции не слишком подробно. Нам не известно, имеются ли на этот период обобщенные сводки по типу тех, которые были составлены УНКВД ЗСК в октябре. Это вызвано тем, что операция постепенно ушла на периферию и пятидневная отчетность о результатах специальной операции по РОВС уже не могла поступать с прежней регулярностью. Существенно осложнила отчетность и совпавшая с основной волной террора административно-территориальная реформа. Также необходимо иметь в виду, что каждый из регионов, ранее входивших в состав ЗСК, умело оперировал ранее поданными итоговыми цифрами в свою пользу.

Попробуем соотнести цифры о масштабах операции на конец 1937 г. по двум регионам, ранее составлявшим Западно-Сибирский край. По состоянию на 5 декабря 1937 г. по Новосибирской области по «делу РОВС» было арестовано 14 626 чел., в том числе осуждено 13 644 чел., из которых 11 233 чел. (82%) по 1-й категории и 2 411 чел. (18%) по 2-й категории [16]. На 20 декабря 1937 г. количество арестованных по Новосибирской области с начала операции составило 18 920 чел., в том числе осуждено 15 476 чел., из которых 12 954 чел. (84%) по 1-й категории и 2 522 чел. (16%) по 2-й [17]. В Алтайском крае к 25 ноября 1937 г. с момента начала операции по «делу РОВС» было арестовано 3 337 чел., что составило почти 22% от общего количества репрессированных (15 365 чел.). Осуждено 2 930 чел.: 1 862 чел. тройкой УНКВД по ЗСК и 1 068 чел. тройкой НКВД по Алтайскому краю, в том числе 2 152 чел. (73,4%) по 1-й категории и 778 чел. (26,6%) по 2-й категории [18].

К началу января 1938 г. оба региона, как и все остальные, подвели итоги проведения массовых операций по приказам НКВД СССР как по «кулацкой», так и «ровсовской» линиям. Новосибирск настаивал на цифре в 20 731 чел. репрессированных по РОВС. Именно такие данные были приведены и в «Докладной записке о выполнении оперативных приказов НКВД по Новосибирской области» [19]. Суммарно оба региона репрессировали по «делу РОВС» к этому времени 22 108 чел. [1. Т. 5. Кн. 1. С. 387–388]. Таким образом,

на долю Алтая оставалось всего около 1,5 тыс. чел., что реально могло соответствовать только количеству осужденных «ровсовцев» тройкой НКВД по Алтайскому краю. На основании протоколов заседаний тройки УНКВД по Алтайскому краю за 30 октября по 15 марта 1937 г. протоколов тройки установлено, что в рамках приказа № 00447 было осуждено 12 195 чел. Понятно, что эта цифра не учитывает общего количества осужденных тройкой НКВД по ЗСК. Реально по «делу РОВС» на начало января 1938 г. в Алтайском крае тройкой НКВД по ЗСК и тройкой НКВД по Алтайскому краю было репрессировано в общей сложности около 3 тыс. чел. Окончательно эти данные могут быть уточнены только по соответствующим региональным «Докладным запискам о выполнении оперативных приказов НКВД». Их полные версии существенно упростили бы изучение репрессий в регионах, позволив исследователям детально изучить ход всех массовых операций.

Согласно сводке ГУГБ НКВД СССР об арестованных по приказу № 00447 на начало января 1938 г. в рамках «кулацкой операции» в Новосибирской области (НСО) было осуждено 21 358 чел. и 10 897 чел. в Алтайском крае. Кроме того, в отчете о выполнении приказа Москва получила объединенную информация о репрессированных по «ровсовской» операции в Новосибирской области и Алтайском крае, согласно которой на 1 января 1938 г. число арестованных и осужденных составило 22 108 чел., в том числе 18 530 чел. (83,8%) по 1-й категории и 3 578 чел. (16,2%) по 2-й категории. Таким образом, в рамках «кулацкой» и «ровсовской» операций количество репрессированных в двух регионах составило 54 363 чел., при том, что утвержденные на два региона лимиты составляли 31 950 чел. [1. Т. 5. Кн. 1. С. 387–388]. Одновременное проведение двух параллельных массовых операций позволило удвоить объем репрессий, уложившись в отведенные регионам лимиты. Еще раз отметим, что «ровсовский» контингент выступает как самостоятельная величина осужденных по приказу, не входя в установленные лимиты. Однако изучение материалов алтайской тройки частично опровергают это утверждение.

В 1937 г. операция РОВС не завершилась и была продолжена на следующий год. 31 января 1938 г. Алтайский край и НСО оказались среди 22 регионов, получивших дополнительные лимиты. В Постановлении Политбюро от 31 января была установлена дата завершения операции по приказу № 00447 – 15 марта [1. Т. 5. Кн. 2. С. 34]. На проведение операции в Сибири отводилось полтора месяца. Существенно прояснить картину, позволив более четко ответить на вопрос, в каких регионах кулацкая операция была к этому времени завершена, могла бы публикация отчетов управлений на середину марта 1938 г., которые составлялись по аналогии с январскими «Докладными записками». Однако до сих пор подобные отчеты не введены в научный оборот. На основании шифротелеграммы от 17 марта 1937 г. УНКВД Новосибирской области можно утверждать, что «кулацкая операция» была завершена в Новосибирской области к середине марта 1938 г. [20]. По данным ГУГБ НКВД, всего на 1 марта 1938 г. УНКВД Новосибирской области и Алтайского

края по «делу РОВС» было арестовано 25 916 чел., «передано на рассмотрение троек из числа осужденных, находившихся в тюрьмах и лагерях», – 19 610 чел. [1. Т. 5. Кн. 2. С. 56].

Изучение материалов троек по Алтайскому краю также подтверждает, что и здесь были окончены как «кулацкая», так и «ровсовская» операции. К этому времени в обоих регионах исчерпали лимиты, поступившие в конце января 1938 г. В целом к концу весны можно говорить о завершении «кулацкой» операции в этих регионах Сибири. Но 15 марта 1938 г. действие приказа не было остановлено, оно было продлено для некоторых других сибирских регионов.

В большинстве регионов тройки возобновили свою работу в конце февраля – начале января 1938 г. Тройка УНКВД по Новосибирской области возобновила свою работу с 26 января 1938 г. К середине марта количество осужденных возросло на 6 053, в том числе на 3 652 чел. – по «ровсовской» и 2 401 чел. – по «кулацкой» операциям. Общая численность репрессированных по Новосибирской области составила 50 541 чел., из которых 23 759 чел. – по «кулацкой» операции, в том числе по 1-й категории – 10 365 чел. (43,6%), по 2-й категории – 13 394 чел. (56,4%) и 24 383 чел. – по «ровсовской» операции [20].

Докладывая об окончании операции, Г.Ф. Горбач одновременно просил «разрешить продолжение работы Ровсовской тройки» для ликвидации контрреволюционного подполья в Кузбассе, для чего ходатайствовал о выделении лимита в тысячу человек [21]. В телеграмме отмечалось, что «последние диверсионные акты в Кузбассе, совершенные правотроцкистскими и кулацкими элементами, показывают, что несмотря на довольно крепкий удар, нанесенный по к.-р. формированиям Куз-

басса, мы еще не полностью вскрыли существующие до последнего времени диверсионно-вредительские группы. То, что Кузбасс особенно засорен всякими к.-р. беглым элементом, к тому же наличие в Кузбассе до 13 тыс. семейств кулаков переселенцев создает условия для всякого рода к.-р. формирований и диверсионных актов...» [21]. Подобное давление со стороны местных властей, настаивавших на продолжении операции, отмечалось в большинстве регионов страны. Москва ответила согласием. Именно этим можно объяснить факт работы новосибирской тройки до августа 1938 г. Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский, основываясь на количестве осужденных Новосибирской и Алтайской тройками, приводят по «ровсовской» операции цифру в 29 528 чел., из них к расстрелу – 24 853 чел. (84,2%) и к заключению в ИТЛ – 4 675 чел. (15,8%) [1. Т. 5. Кн. 1. С. 597].

В постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 сентября 1938 г. уже не упоминаются ни «кулацкая», ни «ровсовская» операции, однако во всех регионах вновь создавались особые тройки для завершения текущих и необработанных приговоров в рамках «национальных» операций (этим решением отменялся так называемый «альбомный» порядок осуждения). Деятельность Особых троек была прекращена 15 ноября 1938 г.

Отсутствие закрепленных лимитов на арест и осуждение «ровсовцев» предопределило очень высокий процент приговоров к ВМН в целом, а среди «белогвардейцев», «церковников» и реэмигрантов расстреляны были практически все. «Ровсовская» операция позволила широко манипулировать масштабами якобы существовавших в СССР контрреволюционного подполья и опасности белоэмигрантского террора, что в условиях возможной военной угрозы создало условия для проведения новой масштабной «социальной чистки».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Справка* начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири», 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., Т. 5: 1937–1939: Кн. 1: 1937. М., 2004; Кн. 2: 1938–1939. М., 2006.
2. *Отдел* спецдокументации управления архивным делом Алтайского края (ОСД УАДАК). Ф. 2. Оп. 7. Д. 10210. Л. 111 (Выписка из протокола допроса Г.Л. Биримбаум, 25 марта 1939 г.).
3. *Архив* Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 31 (Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б), 28 июня 1937 г.).
4. ОСД УАДАК. Д. 8870. Л. 115 (Обвинительное заключение, 25 ноября 1937 г.).
5. ОСД УАДАК. Д. 7069. Л. 100 (Выписка из протокола допроса К.С. Жукова от 14 апр. 1939 г.).
6. *Аблажей Н.Н.* РОВС и енисейское казачество // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. Новосибирск, 2004. № 2. С. 84–87.
7. ОСД УАДАК. Д. 10210. Л. 115 (Протокол допроса Г.С. Каменских, 4 июля 1939 г.).
8. *Архив* общества мемориал (АОМ). Шифротелеграмма вх. 12140 из Красноярска, 10 марта 1938 г.
9. АОМ. Шифротелеграмма вх. 19465 из Новосибирска, 8 июля 1937 г.
10. АОМ. Шифротелеграмма вх. 35879 из Новосибирска, 3 окт. 1937 г.
11. АОМ. Шифротелеграмма вх. 35861 из Новосибирска, 2 окт. 1937 г.
12. АОМ. Шифротелеграмма вх. 36498 из Новосибирска, 6 окт. 1937 г.
13. АОМ. Шифротелеграмма вх. 37761 из Новосибирска, 12 окт. 1937 г.
14. АОМ. Шифротелеграмма, вх. 36495 из Новосибирска, 6 окт. 1937 г.
15. ОСД УАДАК. Д. 4348. Т. 4. Л. 339 (Выписка из показаний С.П. Попова, 29 мая 1939 г.).
16. АОМ. Шифротелеграмма вх. 48872 из Новосибирска, 6 дек. 1937 г.
17. АОМ. Шифротелеграмма вх. 52773 из Новосибирска, 21 дек. 1937 г.
18. АОМ. Шифротелеграмма вх. 46572 из Барнаула, 25 нояб. 1937 г.
19. *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 219.
20. АОМ. Шифротелеграмма вх. 13500 из Новосибирска, 17 марта 1938 г.
21. АОМ. Шифротелеграмма вх. 13509 из Новосибирска, 17 марта 1938 г.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2008 г.